

***Ткач Валентин Михайлович
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

О ТОМ, ЧТО Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОМНЮ

Я родился 2 мая 1937 года в г. Одессе.

Год - значимый. Я ношу его внутри себя. Как? Не знаю, но точно он - внутри меня существует, откликаясь на внешние раздражители - события и факты жизни, в потоке которых я жил и живу.

Мама, вспоминая, рассказывала мне: по ночам они с папой просыпались от урчания подъезжающей машины, от хлопанья двери в подъезде, от шагов по лестнице. Долго не спали, прислушиваясь. Вероятно так "спали" многие в то время, кто остался в живых и кто исчез в пустоте.

В одну из таких ночей любви (а мама и папа очень любили друг друга) и была обещана жизнь мне.

Семья моей мамы - Идочки (так я её называл всегда) жила в г. Одессе. На этой фотографии: дедушка - Яков, бабушка - Анна, в верхнем ряду вторая слева - моя мама - Идочка и её братья и сёстры. В верхнем ряду - Мотя, Захар, Эка, Абрам; в нижнем ряду - Рая и жена Абрама - Хася. На руках у бабушки Анны - дочь Абрама и Хаси - Леночка. Здесь нет ещё одной сестры мамы - Кати. О ней и её семье - потом.

Известно: в России до революции "случались" анти-еврейские погромы. Одессу они не обошли стороной. Мама вспомнила об одном из таких ужасов, пережитых в детстве. Было очень страшно. По городу ходили пьяные банды. Они "спасали Россию" - грабили и убивали. Семью, которая на этой фотографии, спас дворник. Русский человек - он спрятал всех в подвале, выставив в окнах иконы. Банда прошла мимо "защищённого" подвала. Все остались живы.

Мой папа - Миша до войны служил в лётной школе. Очень жаль, но я не знаю, как выглядела его семья. Мой другой дед - тоже Яков и его жена - другая моя бабушка - Эсфирь. Фото не сохранились. Я знаю только, что именно бабушка Эсфирь отнесла в одесскую синагогу своего восьмидневного внука. Отнесла для того, чтобы я помнил, кто я. И я - всегда помню, без всяких напоминаний (хоть иногда мне и напоминали).

Идочка и Миша встретились в 1928 году, в 29-м у них родилась дочка – Яна (Нана), а в 37-м родился второй ребёнок - я.

Первое, что сохранила память до сих пор: эмалированный таз, белый внутри, голубой - снаружи. Таз наполнен очень солёной водой. Я плещусь в тазу. Вокруг бело-жёлтый песок и галька. Чуть дальше (видно) бесконечная зелёно-голубая вода (тоже солёная). Вокруг много людей, среди них Мама, Папа и дядя Мотя - крепкий, загорелый, с головой как шар. Крики, хохот, визг, плеск. Я обожал Мотьку (и тогда и всю жизнь потом). От него исходила волна веселья, шуток, и хохота. Он всё время подбегал ко мне (это так приятно) и что-то наговаривал, шептал. Много-много раз. И я - запомнил. Первая фраза (не слова, - фраза), которую я произнёс во всеуслышание: "Стейва, дрянь, жопочка, стекун- петрович." Уши разрывались от хохота. Мотька был счастлив.

Пройдут годы. Когда умер мой папа, в Свердловск немедленно примчался из Пензы Мотька. Мрак был в доме. Страшный мрак, прерываемый время от времени диким истеричным "хохотом" Идочки. Мотька, как клоун, чем только не спасал маму. Идочка криво улыбаясь, шептала: "Мотя, как тебе не стыдно?" Но он не унимался - спасал сестру, время от времени убегая на кухню, где Нанка наливала ему валерьянку. Он пил и плакал, страшно всхлипывая. Утирал слёзы и бежал обратно "на ковёр".

Пройдут ещё годы. Мотя будет жить с дочкой и внучкой в Минске. За два-три месяца, почувствовав приближение конца, он потребовал, чтобы мы с Наной (он очень любил её) приехали к нему. Мы примчались: Нана - из Свердловска, я - из Рязани. Прилетели и пробыли несколько дней вместе. Господи, как он шутил, как острил! Мы улетели. Через пару месяцев Дмитрий Яковлевич - любимый дядя - Мотя - умер. Ему было 83 года.

...Моя детская память сохранила (частично) двор нашего дома по улице Ленина (Решельевской) 67. Еслиходишь во двор – справа, 3 этаж – наши окна. Когдаходишь в квартиру, справа – кухня, где в цинковой ванночке мама купала меня; где купалась и сестра. Воду грели на плите. Чтобы было тепло, открывали дверцу духовки. Всё помню.

Я был очень “храбрый”. Папа в комнате общался с пришедшим к нему сослуживцем. Я – уже искупанный радостно вбежал с криком: “А Нанка ж... обожгла! Коснулась открытой дверцы!” Я был не только “храбрый”, но и “умный” очень. На той же кухне – в одно из купаний – швырнул горсть соли в глаза своей сестре. Помню, и как всё было, и что получил за это...

Когда началась война, мне было 4 года. На этой фотографии: я со своей сестрой буквально перед началом войны – в 1941 году.

Началась эвакуация мирного населения из Одессы. Папа был в отряде военных, которые занимались этой эвакуацией. В течение нескольких дней отправлялись пароходы с женщинами, детьми, стариками. Было поставлено условие: члены семей военных, обеспечивающих эвакуацию, должны отправляться последним пароходом.

В числе пассажиров последнего парохода, успевшего выйти в море из Одессы, была моя мама Идочка с двумя детьми: Наной и мной. Маме было тогда 34 года, Нане - 12 лет, мне – 4 года. Папа остался оборонять Одессу.

Корабли, на которых плыли отправленные из Одессы, бомбили фашисты. Я помню невероятных размеров красное небо, пламя и страшные крики: попали в корабль, шедший перед нами. Всё вокруг – сплошное красное пламя, дикий грохот, визг, крики, страшные крики. На воде - страшное месиво из вещей, тряпок, бумаги... и... не скажу - чего ещё. И меня беспрерывно рвало...

...Приплыли в г. Мариуполь. Всех разместили в школе, в спортзале. Помню ряды гимнастических матов на полу у стен, помню «наш» мат и примус перед ним, на котором готовили еду.

Потом поехали дальше, уже – поездом, в г. Пензу, где тогда жил мамин брат – дядя Мотя. Дорогу не помню. Но очень хорошо помню, как однажды мы с сестрой сидели на какой-то станции на чемоданах, а мама ушла стоять в очереди за билетами на поезд. Мамы не было очень долго. Толпы снующих людей, крики, беготня... Мы с сестрой сидели обнявшись и плакали. Было очень страшно. Казалось, мы уже навсегда остались одни. Но мама пришла. И мы поехали дальше...

Папа писал с фронта в Пензу, чтобы мы ехали к его сестре Лизе - в Свердловск. Ехали с самого начала с двумя чемоданами и тюком постели, всё (навсегда!) оставив в Одессе. Это и называлось – эвакуацией.

Свердловск был далеко от фронта, здесь не стреляли. Но еды было мало, было голодно. Много позже я понял, что мама и Нана отдавали большую часть своей еды мне. Я болел: по ночам в одно и то же время, напуганный переездом и виденным, чего-то боясь, истерично плакал. Всё тело было покрыто нарывами. Гнойные фурункулы буквально душили меня. И сейчас помню фамилию врача, которая спасла

меня: Зетель-Коган. Её в Свердловске все знали, - она спасла многих. Спасла переливанием крови. Мама второй раз родила меня, дав мне свою кровь. И я поправился.

Зимой в Свердловске был лютый холод. Когда я выходил во двор гулять, мама тепло одевала меня, перевязывала шапку сверху серым шарфом. Почему-то ребята во дворе дразнили: «Скажи кукухуза». Я спрашивал у мамы, что это значит. Не помню, как она мне это объясняла. С удивлением смотрю на это из сегодняшнего дня: как, каким образом эта молодая антисемитская поросль определяла, кто я? Лицо – кусочек мордочки, торчавшей из шапки – не обладало каким-то характерным видом, и говорил я правильно?..

Однажды ночью я проснулся от того, что в темноте услышал голос мамы: «Наночка, ты слышишь?» И ответ: «Слышу». Мы жили на 5 этаже. По лестнице кто-то шёл в сапогах. И шаги – всё ближе. А потом – стук в дверь. Это был мой папа.

Всё это не выдумка, а - правда. Все эти звуки и голоса живут во мне.

Был 1943 год. Папа воевал два года. В Одессе несколько суток сидел в окопе, заполненном водой. Был трижды контужен: временами он терял сознание и бился в конвульсиях. Это были страшные припадки. В Свердловск он был отправлен в госпиталь. Его долго лечили, а когда выписали – оставили служить в Уральском военном округе.

Мы переехали в две комнаты военного дома «Красный боец» и стали кушать нормально.

Там, рядом с домом, на территории госпиталя в Зелёной роще работали пленные немцы. Мы – мальчишки – называли их «фрицами». «Фрицы» очень мёрзли в уральской зиме и были голодны. Ребята таскали им всё, что могли. Охранники в тулупах не мешали нам. Был «свой» немец и у меня. Мама давала немного картошки, и я носил пленному немцу. «Фриц» варил её в котелке на костре, а потом, раздушив, ел. Ел и всегда при этом плакал. Я сидел на корточках и смотрел на

костёр и на него. Тот плакал и что-то говорил на своём языке. Про еврейского мальчика? Про Гитлера? Про своих детей?..

В Свердловске – и встретили Победу. Плакали от радости, кричали от счастья. Все вышли на улицу. Гремел салют. Люди обнимались, хохотали, плакали. Всех военных хватали и долго радостно качали. И папу – тоже.

Там - в Свердловске – у нас появился ещё один родственник – майор Мирон Маргулис. Всю войну этот папин друг был на фронте. Семья Мирона: родители, жена и дети, - все были убиты фашистами. Папа познакомил одинокого майора со своей племянницей – моей двоюродной сестрой – Циной. Мирон стал родственником, родным и близким.

После Свердловска папа получил назначение в Воронежский военный округ. Мы переехали в Воронеж. Это было в 1949 году. Помню первое впечатление: мы ехали (на чём?) по главной улице – по Проспекту революции. Чистое (расчищенное) пространство улицы и абсолютные руины по обеим сторонам: огрызки стен с перекорёженными трубами и проводами и груды кирпичей. И так – бесконечно. Жильё было только в «частном секторе» - маленьких домиках на спуске к реке. Там мы и нашли «у стариков» две комнатки на улице Гамовской. Общая со стариками кухня, печное отопление, дрова; удобства, естественно, на улице.

Папа прослужил в Советской армии 27 лет. Был награждён медалями и орденами: от ордена Красной Звезды до орденов Боевого Красного Знамени и Ленина. В штабе Воронежского округа на двадцать восьмом году папа и завершил службу. В курилке, где собрались офицеры, он услышал: «А этот жид что здесь делает? Валил бы к себе в Израиль». Папа рванулся в кабинет, выхватил из сейфа пистолет (оружие хранилось там), рванулся обратно в курилку и упал в бессознательном припадке, которыми страдал после контузии. Несколько лет ничего

не было, казалось всё прошло. Война с фашистами напомнила о себе таким недвусмысленным образом. История эта разбиралась у командующего округом. Решение было «мудрым»: и того, кто сказал, и того, кто кинулся на обидчика с оружием, отправить в отставку.

На этом фото - отставной офицер Михаил Яковлевич Ткач со своей женой Идой Яковлевной и внучкой – Таней, дочерью Наны.

А вот Таня с мамой и папой – Изей. Исаак Натанович Апельройт закончил военно-медицинскую академию. Военврач Апельройт был на фронте. Закончил войну в г. Будапеште. После войны встретился с журналисткой Наной. У них родились две дочери: Таня и Оля.

...Мамина сестра Катя, которой нет на первом общем фото, жила в Ленинграде с мужем Дмитрием и двумя сыновьями: Витей и Лёлей. Война. Блокада. Голод и холод. Умер Дмитрий и старший сын – Витя. Они лежат в братской могиле на Пискарёвском кладбище. Тётя Катя, сама еле живая, отвезла их туда на саночках. Сначала одного, потом – другого. Катя осталась жива, её вывезли из блокадного Ленинграда. Младший их сын Лёля – тогда совсем мальчишка – пошёл юнгой на флот. Охранял эшелоны с боеприпасами, которые перевозили на фронт. Остался жив. Сейчас с семьёй – внуками и правнуками – живёт в Америке.

В Америке живёт ещё один мой двоюродный брат – Феликс – сын маминой сестры Эки. У него – своя история. После войны они жили во Львове. Старшеклассники – и он среди них – собирались, разговаривали, спорили. В результате что-то написали против Сталина. Всех отправили в Сибирские лагеря. Феликс вернулся домой через пять лет уже после смерти Отца Народов туберкулёзным больным...

...Прошли годы, много лет. Нет в живых уже ни папы, ни мамы. Папа умер очень рано - в 51 год. Война, пережитое до и после войны – сделали своё дело...

...Моя сестра Нана и ее дочь – моя племянница Таня – уехали в Израиль, живут в Хайфе. Несколько лет тому назад мы с сыном были у них.

Это мы с сестрой.

Это мой сын с Таней гуляет по ночной Хайфе.

В Израиле мы побывали и в Тель-Авиве, и в Цфате, и в Назарете, и в Беер-Шеве, и в Тверии, и, конечно, в Иерусалиме. Были и в Яд ва-Шеме, где всегда горят миллионы огоньков, и где круглые сутки звучат имена загубленных фашистами наших детей. И где Януш Корчак по-прежнему обнимает своих воспитанников.

Вот почему, отмечая каждый год день Победы 9 мая, мы всегда говорим, как прежде: «Смерть фашистским оккупантам! Победа будет за нами!»

14.01.2013-27.02.2013